

отличаются не меньшей, а иногда и большей активностью в отстаивании своего права на свободу выбора и в проявлении своих чувств. Это отличает и Меленду, и королеву Португальскую, и Леонору. Преодоление разного рода препятствий на пути соединения влюбленных, достижение взаимного счастья — вот содержание большинства пьес (некоторое исключение составляет «Комедия о графе Фарсоне»). Победа добра, торжество верности, восстановление погрязнувшей справедливости — таков обычно итог почти всех пьес рассматриваемого цикла.

Эта внешняя сюжетная общность пьес дополняется объединяющими их чертами более специфического свойства. Необходимость создания театрального репертуара путем переработки повестей и романов накладывала свой отпечаток на драматургию этого периода. Та общность, о которой только что шла речь, практически ничего не дает нам для понимания художественной природы всех этих пьес как явлений драматургии. Все сказанное в равной мере можно отнести к повестям и романам, послужившим источниками для инсценировок. Мало того, в один ряд с названными пьесами можно было бы поставить другие произведения романического характера, в частности повести петровской эпохи, полностью сохраняющие основные черты типологической общности с означенным циклом пьес, хотя и не получившие сценической обработки, такие, как например «Гистория о российском матрозе Василии Кориотском и о прекрасной Королевне Ираклии Флоренской земли» и др. Данное обстоятельство показательно, ибо оно позволяет установить специфику драматургического языка, особую природу сценичности пьес данного круга и данной исторической эпохи. Речь должна идти об отличительных особенностях художественной структуры произведений для театра тех лет. Структуру эту отличает синкретизм поэтического мышления. Внешне усвоенная драматическая форма не вытекала из природы содержания представляемых на сцене событий, а служила лишь еще одним из средств передачи того, что немногим ранее увлекательно, с гораздо большими подробностями было рассказано в книге. Иными словами, драматическое произведение продолжало нести груз своего повествовательного предшественника; внутренний источник драматических положений зачастую попросту отсутствовал.

Эта установка на повествовательность обеспечивала сюжетной коллизии возможность сохранения внешней увлекательности, в то время как драматическая форма лишь обеспечивала доступность сценического восприятия. Помимо этого повествовательность пьес данной группы диктовала особую, воспринятую из романов расстановку акцентов в характеристике героев. Центр тяжести сценического действия почти во всех пьесах приходится не на психологическую мотивировку поступков героев, а на фиксирование внешних событий, на рассказ о происходящих с героями многооб-